

УДК 81'367:811.133.1

UDC 81'367:811.133.1

ЭМФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НУЛЕВОГО АРТИКЛЯ В СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ N + IL Y A

EMPHATIC FUNCTION OF THE ZERO ARTICLE IN SYNTACTIC STRUCTURES N + IL Y A

Н. Н. Бартош,

преподаватель кафедры фонетики
и грамматики французского языка МГЛУ

N. Bartosh,

Teacher of the Department of Phonetics and
Grammar of the French Language, MSLU

Поступила в редакцию 06.07.18.

Received on 06.07.18.

Статья посвящена выявлению роли нулевого артикля как одного из средств выражения эмфазы в малоизученных синтаксических структурах французского языка N + il y a. Особенность данных структур состоит в том, что эмфаза реализуется в них двумя способами одновременно: с помощью порядка слов, то есть вынесением именного компонента в начальную позицию, и непривычным для современных грамматических норм обязательным употреблением нулевого артикля. Обращение к данным текстовых корпусов показывает, что нулевой артикль в данных структурах имеет исторический характер. Однако в современном французском языке его предназначение приобрело прагматическую направленность и служит целям усиления экспрессивности высказывания, так как позволяет не только привлечь внимание адресата, но и выразить позицию говорящего к сообщаемой информации.

Ключевые слова: детерминация имени, нулевой артикль, эмфаза, эмфатическая функция, бытийные предложения, интенция говорящего.

The article is devoted to revealing the role of the zero article as a way of expressing emphasis in the little-studied French syntactic structures N + il y a. The peculiarity of these structures is that the emphasis is done by two ways at the same time: by the words order, i.e. the initial position of the noun, and by the obligatory and unusual for modern French grammar rules use of the zero article. The reference to the database of the textual corpus shows that in these structures the zero article is used historically. However, in the modern French language, it acquired a pragmatic character and serves to reinforce the expressiveness of the enunciation because it not only helps to attract the recipient's attention but also to express the speaker's attitude to the reported information.

Keywords: noun determination, zero article, emphasis, emphatic function, existential sentences, intension of the speaker.

Основным предназначением типичных для французского языка высказываний с бытийной формулой *il y a* ('есть, имеется') является сообщение о существовании объекта, лица, явления в некотором пространстве или его первичное введение в речь, как правило, с целью последующей характеристики и / или идентификации. При этом имя, называющее предмет бытия и являющееся носителем новов для адресата информации, закономерно оказывается в постпозиции к *il y a*. Вместе с тем, наряду с традиционными бытийными предложениями *il y a + N*, во французском языке допускается их обратный порядок – *N + il y a* [1, p. 830]. Подобные синтаксические структуры реализуются только в форме придаточного предложения, чаще всего вводимого с помощью союзов *si* 'если', *puisque* 'поскольку, так как', *car* 'так как, потому что', *quand / lorsque* 'когда, тогда как', *que* 'что'.

Обращение к текстовой базе французского языка *Frantext* [2] показывает, что в препозиции к *il y a*, как и в постпозиции, лексическая наполняемость именного компонента не имеет каких-либо ограничений: допускается употребление имен существительных любого лексикограмматического разряда (одушевленные и неодушевленные, конкретные и абстрактные, исчисляемые и неисчисляемые). Например: 1) *Comme ça le studio, puisque studio il y a, reste libre...* [2, J. Romains, Les Hommes de bonne volonté, p. 150] 'Таким образом студия, поскольку студия имеется, остается свободной ...'; 2) *Sa faute – si faute il y a me paraît, à moi, bien légère!* [2, G. Bernanos, L'Imposture, p. 393] 'Его вина – если вина имеется – лично мне кажется очень незначительной!'; 3) *Votre rhinocéros à vous, monsieur Bérenger, si rhinocéros il y a, était-il un corne, ou bicorne?* [2, E. Ionesco, Rhinocéros, p. 104] 'Ваш носорог, го-

сподин Беренже, **если действительно есть носорог**, был однорогим или двурогим?»; 4) *Je consens pourtant à rompre le pain béni de la gaieté, si pain il y a* [2, J. Vallès, Le Bachelier, p. 49] 'Однако я согласен разломить благословенный хлеб веселья, **если действительно хлеб есть**'.

Как видно из приведенных примеров, именной компонент в препозиции к *il y a* не обозначает вводимый впервые или неизвестный для адресата предмет. Результатом его намеренной повторной экспликации с помощью структуры с нестандартным с точки зрения современных правил синтаксиса порядком слов является эмфаза, то есть его представление как наиболее важного в данном акте коммуникации компонента высказывания [3, с. 7]. При этом порядок слов является не единственным средством, с помощью которого акцентируется информативная значимость именованного компонента. Второй специфической особенностью структур *N + il y a* является обязательная детерминация имени нулевым артиклем, что также «не вписывается» в существующие правила грамматики.

С точки зрения формального синтаксиса, субстантивный элемент предложения, занимающий начальное и непосредственно предшествующее предикату позиционное место в его линейной структуре, может рассматриваться как грамматический субъект – подлежащее. Неоформленность подлежащего артиклем для французского языка считается практически недопустимым явлением. Подобный способ его актуализации в речи, несомненно, выполняет особую нагрузку и не остается незамеченным для получателя сообщения [4, с. 254]. Иными словами, отсутствие артикля перед существительным также выступает эффективным средством активизирования внимания адресата.

Таким образом, эмфаза, выражаемая в структурах *N + il y a*, имеет комплексный, разноуровневый, характер, что придает им особую выразительную силу и экспрессивность. С одной стороны, в них реализуется логическое выделение именованного компонента вследствие его вынесения в начальную позицию, с другой – внимание адресата привлекает его необычное грамматическое оформление – контраст между ожидаемым эксплицитным артиклем и его отсутствием. Объектом нашего анализа является прагматическая функция нулевого артикля как средства усиления эмфазы в структурах *N + il y a*.

Интерес вызывает тот факт, что сама по себе синтаксическая структура «подчинитель-

ный союз + имя с нулевым артиклем + *il y a*» не является новообразованием для французского языка. Согласно данным текстовой базы *Frantext*, она встречается уже в поздний старофранцузский период. Однако нельзя утверждать, что в ту эпоху она обладала таким же прагматическим потенциалом, как и сейчас, поскольку порядок слов и правила употребления артикля, все еще находились в стадии становления. Тем не менее, данная структура сохранилась и закрепилась в современном языке в неизменном виде, несмотря на то, что к концу XVIII в. нормализовались правила употребления эксплицитных артиклей [5, с. 386] и их наличие перед любым именем в первичной синтаксической функции стало обязательной нормой.

Ответ на вопрос, что же способствовало «выживаемости» нулевой детерминации, вероятнее всего, кроется в специфическом характере самой структуры *N + il y a*. Можно предположить, что только нулевой артикль позволял наиболее точно выразить те значения, которые вкладывали в нее носители французского языка, компенсируя, согласно известному замечанию Г. Гийома, «экспрессивную недостаточность» эксплицитных артиклей и не позволяя сказать то, «что было выражено в данном случае неправильно другими артиклями» [6, с. 77].

Как «грамматический архаизм» нулевой артикль присутствует в анализируемой структуре с тех времен, когда чаще всего он служил показателем нереперентного употребления имени (в случае его непредметного, обобщенного значения, неспецифической неопределенности, отрицательной установки или отмены презумпции существования референта) [7, с. 36–75]. Однако, как отмечает Г. Гийом, в этот же период отсутствие артикля могло конкурировать с экстенсивным (определенным) артиклем *le* (особенно с абстрактными, вещественными и единичными именами). Неупотребление артикля могло выступать результатом непосредственного, прямого, восприятия некоторого явления субъектом, например, *Soleil luit* вместо *Le soleil luit* 'Солнце сияет'. Таким образом, неоформленное артиклем имя в речи нередко оказывалось «более конкретным», чем оно могло бы восприниматься в настоящее время («plus concret qu'il ne l'est à présent») [8, p. 295–296]. Впоследствии такое употребление нулевого артикля могло привести к тому, что в теории Г. Гийома получило название «конкреция» («concrétion» – 'сгущение, сжатие'), суть которой заключается

в способности нулевого артикля «сжимать / сгущать» абстрактную номинальную идею до уровня конкретного, одномоментного физического проявления [9, р. 153].

Итак, можно предположить, что нулевой артикль в структурах *N + il y a* послужил для создания необходимого для усиления их экспрессивности психологического эффекта. С одной стороны, адресат соотносит именной компонент без эксплицитного артикля с непосредственным предшествующим контекстом, с конкретным предметом, о котором высказывается говорящий. Однако, с другой стороны, это же имя, будучи оформленным нулевым артиклем, интуитивно воспринимается им как понятие в целом. В зависимости от представляемой ситуации и целей говорящего подобная «игра» нулевого артикля может раскрываться по-разному, так как «степень определенности – обобщенности» именного компонента варьируется от контекста к контексту.

Так, в следующем примере: *En avant marche!... Ou plutôt non! Repos! Le soir tombe, les lucioles se mettent à zigzaguer, les criquets à hohoqueter, toutes bêtes bê-kê-kêtent... Puisque nuit il y a, consacrons-la à réparer nos forces...* [2, A. Césaire, *Une Tempête*, р. 65] 'Вперед!.. Или скорее нет! Отдых! Вечереет, начинают зигзагами светиться светлячки, стрекотать сверчки, шевелятся всякие насекомые... **Поскольку ночь приходит** (букв. **есть**), давайте посвятим ее восстановлению наших сил...' говорящий намеренно вводит в препозицию именной компонент *nuit* с нулевым артиклем: он эксплицитирует и эмфатизирует описанную ранее ситуацию. Мысль о том, что нужно прервать путь и отдохнуть, приходит к нему внезапно, и эта мысль связана с конкретным событием – наступлением темноты, а стремление тот час же обратиться на нее внимание собеседников побуждает его к употреблению синтаксической структуры *N + il y a*. Нулевой артикль как показатель представления о данном событии «здесь и сейчас» репрезентирует как момент физической реальности самого явления, так и сиюминутный момент мысли говорящего, побудивший его к принятию соответствующего решения. Употребление иного способа выражения схожего содержания лишило бы сообщение его легкости, выразительности и экспрессивности. Ср., например, *puisque la nuit vient* 'поскольку ночь приходит', где имя *la nuit* с определенным артиклем просто констатирует реально существующее в момент речи явление.

Именной компонент не только обращает внимание адресата на реально наблюдаемое

в момент речи физическое явление. Благодаря его детерминации нулевым артиклем говорящий одновременно акцентирует коммуникативно и прагматически значимые признаки данного понятия в целом: имя «ночь» вызывает у адресата ассоциации с сумерками, заходом солнца, наступлением темноты, необходимостью отдыха и т. п.

В высказывании: *L'assureur peut aussi exiger une porte blindée, notamment si les autres caves de l'immeuble sont régulièrement «visitées». A défaut, et si vol il y a, la garantie ne sera pas acquise!* [Le Figaro, 07/03/2011] 'Страховщик может также потребовать установить бронированную дверь, особенно если другие подвалы здания регулярно «посещаются». В противном случае, и **если кража будет иметь место**, гарантированное возмещение ущерба не будет получено!' мысль о 'краже' (*si vol il y a*) соотносится с потенциальным событием, логически связанным с предшествующим контекстом, где идет речь о правилах страхования от кражи личного имущества в подвалах жилых домов. Имя *vol*, таким образом, не представляет абсолютно новую информацию, хотя 'кража' как таковая еще не стала реальностью. Тем не менее, говорящий не воспользовался предложением с постпозицией именного компонента: *s'il y a un vol* 'если будет (одна, какая-нибудь) кража'. Быстрота мысли, ее логический ход, проявляемый в потребности «интенсировать», передать в «сжатом виде» суть важной информации – обратить внимание на явление как таковое и его возможное «физическое» проявление, соответствуют используемой в сообщении грамматической структуре.

С помощью структуры *N + il y a* может передаваться отношение говорящего к достоверности выражаемой именным компонентом информации. Так, высказывание: *De toutes façons, le problème des danseuses – si problème il y a – relève des autorités fédérales. Vous devez vous adresser à la Gendarmerie Royale du Canada si le désordre est comme vous le dites* [10, р.76] 'В любом случае, проблема танцовщиц (зд. стриптизерш) – **если проблема действительно есть** – находится в ведении федеральных властей. Вам надо обратиться в Королевскую Жандармерию Канады, если на самом деле творится такой беспорядок, как вы утверждаете' принадлежит мэру маленького городка, к которому обратились горожанки с просьбой решить проблему стриптизерш. Мэр не отрицает наличие проблемы с женщинами легкого поведения как таковой, однако,

будучи сам завжди даєм значних заведень, сомневається в серйозности пред'являемых им обвинений и использует для этого союз *si* в его первичном гипотетическом значении.

Имя с нулевым артиклем репрезентує думку говорящего в тот момент, когда, выражая суждение о 'проблеме', у него возникает необходимость сказать что-то новое. Это новое представление не связано с другим предметом, требующим качественно-количественной определенности. Оно направлено на акцентирование содержательной стороны уже названного понятия: в нем «доминирует признаковость, которая может быть соотнесена с любым референтом, предполагающим такой признак и оказавшимся в центре внимания говорящего» [11, с. 168–169]. Подобное грамматически «недооформленное» имя (ввиду отсутствия эксплицитного артикля) оказывается носителем потенциальной прагматической информации, позволяя говорящему лишь намекнуть на свое истинное отношение к названному явлению, а не выразить его целиком, напрямую. Так, несмотря на формальное присутствие в высказывании анафорического повтора (*le problème des danseuses – problème*), между данными (идентичными) номинациями нет полной кореференции. Имя с определенным артиклем *le problème* указывает на 'проблему' в ее изложении женщинами города, а имя с нулевым артиклем – на то, как эта же 'проблема' видится мэром. С помощью вводного предложения *si problème il y a* он намекает на свое сомнение в соответствии заявленного положения дел критериям данного понятия в целом: 'если действительно имеется то, что можно назвать проблемой'.

Употребление иной бытийной структуры оставило бы это значение нереализованным. Так, предложение с глаголом «существовать» *si ce problème existe* 'если эта проблема существует' означало бы движение мысли «назад», к уже названной проблеме и только констатировало бы неуверенность говорящего в отношении ее реального существования. Бытийное предложение с именным компонентом в постпозиции *s'il y a un problème* 'если имеется **какая-то** проблема' для анализируемого кон-

текста было бы грамматически некорректным ввиду несоответствия неопределенного артикля статусу «известности» проблемы.

Отношение говорящего к достоверности предмета речи может носить эмоционально-экспрессивный характер. Например, в высказывании: *C'est pourtant une équipe amputée de quelques membres qui a réussi cet exploit. Car exploit il y a, vu la qualité de l'opposition gersoise...* [La Dépêche du Midi, 19/05/2006] 'Однако этот подвиг совершила команда, лишённая некоторых игроков. **Так как (действительно) подвиг имеет место**, учитывая уровень команды противника из города Жер...' сообщается о победе женской футбольной команды на местном чемпионате. Ввиду некоторых обстоятельств (невозможности участия сильных игроков) журналист расценивает данную победу как подвиг. С помощью предложения *Car exploit il y a* он не только акцентирует факт значимого спортивного достижения, но и выражает свое восхищение сплоченностью, силой духа, волей к победе, проявленными местными футболистками: то, что им удалось совершить, по мнению автора, достойно именоваться «подвигом».

Итак, нулевой артикль как особая форма детерминации именного компонента в препозиции к *il y a* наряду с порядком слов является средством выражения эмфазы. Употребление синтаксической структуры *N + il y a* определяется самим говорящим, его целевым намерением и установкам: выделить некоторый элемент представляемой ситуации, акцентировать его информативную и содержательную значимость или, эмфатизируя предмет речи, одновременно передать персональное отношение к нему через имплицитное указание на его несоответствие или соответствие называемому именем понятию. Эмфатическая функция нулевого артикля в данной позиции реализуется благодаря его способности к единовременному выражению как конкретного, так и обобщенного представления о предмете, что позволяет наиболее емко передать позицию говорящего, усилить эмоциональный и экспрессивный потенциал высказывания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grevisse, M. Le Bon Usage, 16e édition / M. Grevisse, A. Goosse. – Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2016. – 1760 p.
2. Base de données textuelle Frantext [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.frantext.fr/> – Date of access: 15.01.2018.

REFERENCES

1. Grevisse, M. Le Bon Usage, 16e édition / M. Grevisse, A. Goosse. – Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2016. – 1760 p.
2. Base de données textuelle Frantext [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.frantext.fr/> – Date of access: 15.01.2018.

3. *Тарасова, А. Н.* Категория эмфазы в современном французском языке (Опыт классификации эмфатических высказываний) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / А. Н. Тарасова. – М., 1992. – 51 с.
4. *Карбаинова, М. Ю.* Дискурсивный аспект нулевого артикля в текстах прессы современного французского языка / М. Ю. Карбаинова // Дискурсивный аспект языковых единиц: коллективная монография : науч. ред. Г. М. Костюшкина. – Вестник ИГЛУ. Серия 1. Монографии. Выпуск 4. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2006. – С. 221–289.
5. *Катагощина, Н. А.* История французского языка / Н. А. Катагощина, М. С. Гурочева, К. А. Аллендорф. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 448 с.
6. *Гийом, Г.* Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.
7. *Андреева, Е. В.* Артикль и референциальные категории имени в старофранцузском языке XII–XIII вв. : в сопоставлении с современным французским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. В. Андреева. – СПб., 2000. – 200 с.
8. *Guillaume, G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1938–1939 / G. Guillaume. – Québec : Presses de l'Université Laval. Lille : Presses universitaires de Lille, 1992. – 412 p.
9. *Guillaume, G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris : Hachette, 1919. – 318 p.
10. *Constantineau, M. Marie-Tendresse* / M. Constantineau. – Québec : Éditions Fides, 1998. – 196 p.
11. *Степанова, А. Н.* Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы / А. Н. Степанова. – Минск : МГЛУ, 2000. – 279 с.
3. *Tarasova, A. N.* Kategoriya emfazy v sovremennom frantsuzskom yazyke (Opyt klassifikatsii emfaticeskikh vyskazyvaniy) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.05 / A. N. Tarasova. – M., 1992. – 51 s.
4. *Karbainova, M. Yu.* Diskursivnyy aspekt nulevogo artiklya v tekstakh pressy sovremennogo frantsuzskogo yazyka / M. Yu. Karbainova // Diskursivnyy aspekt yazykovykh yedinitis: kollektivnaya monografiya : nauch. red. G. M. Kostyushkina. – Vestnik IGLU. Seriya 1. Monografii. Vypusk 4. – Irkutsk : Izd-vo IGLU, 2006. – S. 221–289.
5. *Katagoshchina, N. A.* Istoriya frantsuzskogo yazyka / N. A. Katagoshchina, M. S. Gurycheva, K. A. Allendorf. – M. : Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1963. – 448 s.
6. *Giyom, G.* Printsipy teoreticheskoy lingvistiki / G. Giyom. – M. : Progress, 1992. – 224 s.
7. *Andreyeva, Ye. V.* Artikl i referentsialnyye kategorii imeni v starofrantsuzskom yazyke XII–XIII vv. : v sopostavlenii s sovremennym frantsuzskim : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.05 / Ye. V. Andreyeva. – SPb., 2000. – 200 s.
8. *Guillaume, G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1938–1939 / G. Guillaume. – Québec : Presses de l'Université Laval. Lille : Presses universitaires de Lille, 1992. – 412 p.
9. *Guillaume, G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris : Hachette, 1919. – 318 p.
10. *Constantineau, M. Marie-Tendresse* / M. Constantineau. – Québec : Éditions Fides, 1998. – 196 p.
11. *Stepanova, A. N.* Ocherki-razmyshleniya i tsitatsii o pragmasintaksise frantsuzskogo yazyka: imya i yego determinativy / A. N. Stepanova. – Minsk : MGLU, 2000. – 279 s.